тия России и повышения ее статуса на мировой арене. В этом состоят конструктивные функции конфликтов в поле политических интерпретаций, обеспечивающих определенное преимущество формулы модернизации российской правящей элиты, в случае, если она способна выступить консолидировано перед вызовами мирового сообщества.

Исследование выполнено в рамках работы над проектом «Оптимизация административных практик в области политического и государственного управления в современной России» по программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009-2013 гг.)

Литература

1. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
2. *Шевченко А.В.* Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // Полис, 2009. № 5. С. 69, 71.
3. *Юрченко И.В, Юрченко М.В.* Феноменолого-герменевтическая методология исследования политической идеологии социального доверия в полиэтничном пространстве // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 144.
4. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Прес-Ц; Кучково поле, 2002. С. 332-333.
5. *Рикёр П.* Справедливое. М.: Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос», 2005. С. 90.
6. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена; [пер. с англ. Е.А. Жуковой]. М.: РОССПЭН, 2009. С. 43-47.
7. *Кузьмин В.* Без альтернативы // Российская газета. 2010. 13 сентября.
8. *Юргенс И.* Сила слабости // Российская газета. 2011. 11 января.
9. *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января.
10. Президенты решали, как избежать кризиса в будущем, 18 июня 2011. URL: www.forumspb.com, www.24 rus.ru

Владимир БОБРОВНИКОВ

Шариат и адат в российском нормативном пространстве

В последние десятилетия Северный Кавказ стал одним из самых проблемных регионов на южном пограничье Российской Федерации. По некоторым экспертным оценкам, российское право противостоит здесь обычному (‘адат) и мусульманскому (фикх, шари‘ат) или даже вытеснено ими. В 1990-е гг. отдельные эксперты полагали, что для стабилизации ситуации, урегулирования кровной мести, межобщинных и этнических конфликтов следует опереться на традиции адата и шариата, в частности медиаторство. Российский этнограф, член-корреспондент РАН А.С. Арутюнов и известный писатель и политик Э. Лимонов утверждали, что мусульманский обычай более соответствует уровню развития и специфике местного общества, чем федеральное российское законодательство, и поэтому ему надлежит оказывать поддержку. Однако надежды на шариат не оправдались: из-за провала планов «умиротворения» Северного Кавказа силовыми методами в регионе активизировалась исламистская оппозиция, пропагандирующая джихад против России.

Наиболее серьезной и распространенной ошибкой экспертов, оценивающих потенциал адата и шариата на Северном Кавказе, является эссенциализм, согласно которому адат и шариат – это неизменные застывшие правовые системы. Представление о них составляют по описаниям эпохи российского завоевания региона в XVIII – второй трети XIX вв. При этом нарративы позднего имперского времени переносятся в настоящее или выносятся за рамки истории. Не говоря о путанице шариата с адатом, игнорировании нормативных актов на арабском и других восточных языках, экспертные оценки, сделанные на дореволюционных материалах, представляются необоснованными. За полтора столетия сильно изменились не только сами нормы обеих правовых традиций, но и использовавшее их общество. Можно ли утверждать, что на современном Северном Кавказе сохранились обычное и мусульманское право как самостоятельные правовые системы? Или сегодня мы имеем дело с разрозненными нормами адата и шариата, причем в разных локальных вариациях на востоке и западе, в горах и на равнине, у различных народов региона?

Судя по первоисточникам и накопленному автором двадцатилетнему опыту полевой работы в регионе, правовая ситуация здесь намного мозаичнее и динамичнее. Для нее характерен ярко выраженный правовой плюрализм, при котором в общем полуавтономном соционормативном поле соперничают несколько местных и привнесенных извне правовых традиций, связанных с настоящим, а также советским, российским имперским и даже дороссийским прошлым. Наряду с

Владимир БОБРОВНИКОВ – заведующий сектором Кавказа Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

мусульманской составляющей не меньшее значение имеют нормы, носителями которых являются русское население региона, выходцы из разных групп казачества, бывших кочевников (ногайцы, калмыки-буддисты), а также мигранты и вынужденные переселенцы из зон вооруженных конфликтов в Закавказье. На формирование правовых традиций региона оказали влияние массовые переселения XVIII–XX вв. и почти полтора столетия социально-экономических, административных, судебных и культурных реформ. В нашу задачу не входит разбор всех действующих ныне на Северном Кавказе нормативных традиций. Ограничимся анализом проблем, связанных с сосуществованием и соперничеством норм обычного и мусульманского права в нормативном пространстве.

Прежде всего надо отметить базовое различие двух этих правовых традиций. Кавказские версии фикха относятся к универсальной исламской юриспруденции, адат же имеет локальную природу. Исторически развитие правового плюрализма у мусульман этого региона происходило путем рецепции общих норм шариата в местные адаты и обратного влияния процессуальных и правовых норм адата на фикх (в частности, отказ от норм худуд в Дагестане) и государственное нормативное поле. У мусульман Северного Кавказа, как и в других мусульманских регионах России и мира, основное содержание фикха – это вытекающие из шариата правила поведения верующих и санкции за невыполнение предписаний. Основными источниками правовых решений считаются Коран и идущее от пророка Мухаммеда мусульманское предание (сунна), содержащие, согласно мусульманскому праву, ответы на любые вопросы, которые правоведы (факихи) должны «извлечь» из них. При этом сфера фикха шире, чем права в европейском понимании. Фикх включает в себя различные виды социальных норм – религиозные, юридические, нравственные, а также обычаи и правила этикета. В суннитской мусульманской правовой традиции предметом фикха признаются, с одной стороны, обрядовые правила культа и религиозные предписания ислама, определяющие отношения мусульман с Аллахом (‘ибадат), с другой – правовые нормы, регулирующие отношения между людьми, мусульманским государством и подданными, остальными конфессиями и государствами (му’амалат). Шариатские судьи (кади) и суды, восстановленные в ряде республик Северного Кавказа (Дагестан, Чечня и др.) после прекращения гонений на религию в связи с распадом СССР, работают в основном в области ‘ибадат.

Со второй трети XX в. фикх утрачивает роль правового регулятора в мусульманском обществе. С одной стороны, из-за ликвидации системы развитого исламского образования произошла эрозия правовых знаний в области фикха, заметная ныне как у традиционалистов, так и у их противников из лагеря ваххабитов. С 30-х до начала 90-х гг. в регионе не было легальных медресе (мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы и мусульманской духовной семинарии). С другой стороны, в области семейного, наследного и поземельного права фикх уступил место российскому законодательству, и потребность в его восстановлении во многом отпала. У части российского общества шариат вызывает сегодня ужас как призрак дикого Средневековья, тогда как некоторые мусульмане видят в его возрождении панацею от всех сложностей и бед постсоветского Кавказа. В этом одно из последствий необратимой эрозии базовых знаний в области мусульманского права в регионе.

Падение роли фикха – общая тенденция на российском и зарубежном мусульманском Востоке со второй половины XIX в. То же можно сказать и о попытках ввести в уголовное право нормы шариата (прежде всего худуд). В последней четверти XX в. в Пакистане, Судане, на Филиппинах и в других мусульманских странах приняты шариатские уголовные кодексы и введены шариатские суды [1]. Единственной попыткой законодательно заменить российское государственное и уголовное право шариатом было введение в 1996 г. на территории Чеченской Республики УК, скопированного с суданского (1993 г.). В конце 90-х гг. российское законодательство пытались «усилить» легализацией шариатских и медиаторских судов, приданием особой роли самоуправляющейся сельской общине-джамаату, декриминализацией многоженства и кровной мести в Ингушетии и некоторых других субъектах Федерации на Кавказе. Из всех этих законодательных инициатив ничего не вышло. Свой «вклад» внесла российско-чеченская война 1999 г. Еще более важным фактором, препятствовавшим возврату шариата в область публичного права, оказался дефицит знаний о фикхе у практикующих кади, а также отсутствие потребности в шариатском праве у большинства мусульман региона.

Сегодня на современном Северном Кавказе отдельные брачно-семейные, уголовные и бытовые нормы шариата практикуются, но уже не являются юридически обязательными для мусульман. Еще в дореволюционное время фикх уступил ведущее место законодательству, скопированному с западноевропейских образцов. Прибегающие к ним мусульмане на деле выбирают наиболее удобный им способ урегулирования в российских судебных учреждениях, шариатском суде или через авторитетных местных медиаторов. В 1928 г. применение норм шариата стало рассматриваться как уголовное правонарушение, вызванное сохранением «пережитков родового быта». Оно продолжало караться по УК в редакции 1960 г. и было декриминализировано лишь в 1996 г. Из правовых традиций, соперничавших с шариатом, особую роль для мусульман региона еще в XX в. играл адат. Эти нормы могли не соответствовать и даже противоречить шариату, но сложились они под влиянием фикха в ходе затяжной исламизации региона с

VII по XVIII в., в результате чего в обычном и мусульманском праве имеется целый ряд отраслей и норм, которые называются одинаково, но регулируются совершенно по-разному (например, признаваемой по шариату и адату право на кровомщение).

На Северном Кавказе и в других регионах адат включает в себя как правовой, так и неправовой обычай. В этом его сходство с фикхом. Несмотря на существенные различия в юридической практике мусульман Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, можно выделить ряд общих черт адата. До русского завоевания его основным источником был прецедент. Адат опирался на решения третейского судьи, сельского суда или схода, третейские соглашения. По форме суд был прост, в нем не было ни обвинителей, ни защитников. Кроме дел об оскорблениях женщин иски разбирались гласно. Процесс носил обвинительный характер. Судоговорение проходило на родном языке, но адатные постановления записывались на Северо-Восточном Кавказе на арабском, реже – тюркских языках. Наиболее важные из них могли быть выбиты на стенах общественных зданий. Адат исходит из представления о коллективном характере преступления. Субъектом права в нем выступал не отдельный человек, а общественная группа: клан, селение или союз селений, реже – ханство или другое политическое образование. Клан ответчика был обязан возмещать убытки, причиненные клану ответчика. В некоторых районах вместе с убийцей-кровником изгоняли и его семью. Существовал обычай очищения подозреваемого в преступлении совместной присягой его наиболее достойных родственников или односельчан. Наказание по адату основывалось на системе композиций – возмещении физического или имущественного ущерба штрафами, которые выплачивались натурой или деньгами.

Борьба и взаимное приспособление адатных, шариатских и российских норм определили развитие правового плюрализма на Северном Кавказе в XVIII – первой четверти XX в. Одни и те же суды рассматривали судебные иски по адату и шариату. Ко времени присоединения региона к Российской империи сферы применения норм адата и шариата были разграничены. Первый обычно использовался при решении уголовных дел и поземельных тяжб по поводу общинных владений. В ведении фикха находилось гражданско-семейное и отчасти поземельное право (частно-семейная собственность и благотворительное имущество). Отдельные нормы адата и шариата, противоречившие уголовным законам империи, были запрещены. В 50-70-е годы XIX в. для мусульман Северного Кавказа были учреждены смешанные адатно-шариатные суды, известные под названием словесных, горских и народных. До революции 1917 г. они работали под контролем российской военной (в Терской и Кубанской областях) и военно-народной (в Дагестанской области) администрации. Под военно-народным понималось косвенное управление руками местных мусульманских и военных элит с опорой на местный адат (и шариат), под контролем офицеров Кавказской армии. В первое десятилетие после установления советской власти (дольше всего в Дагестане – до 1927 г. и Чечне – до 1925 г.) мусульмане региона сохраняли широкую судебно-административную автономию и были изъяты из-под действия законодательства РСФСР. Народные и горские суды по шариату и адату сохранились в сельских общинах и округах под названием шариатских [2]. В их ведении остались иски между мусульманами в области уголовного права, семейных и наследственных споров, а также вакфы и нотариат.

Российская политика в отношении мусульманского и обычного права менялась часто и резко. В XIX в. власти Кавказского наместничества (кн. А.И. Барятинский, вел. кн. Михаил Николаевич) разделяли страхи перед шариатом, в котором усматривли причину возможного мусульманского повстанчества. Советская Россия в 1920-е годы, наоборот, боролась с обычным правом, видя в нем орудие классовой и колониальной эксплуатации горцев-мусульман, унаследованное от царского режима. Советская власть была установлена в регионе при поддержке влиятельных представителей мусульманской духовной элиты, включая суфийских шейхов Дагестана, Чечни и Ингушетии. Это предопределило поддержку шариата, в котором советское правительство видело народное обычное право [3]. Укрепив свои позиции в регионе, советская власть сделала ставку на запрет не только обычного, но и мусульманского права. Накануне коллективизации шариатские суды были закрыты, а большинство судей-кади физически уничтожены. Адат и шариат с конца 1920-х по 1950-е гг. рассматривались в единой категории «вредных пережитков прошлого», изгнанных из публичной сферы. В середине XX в. государственная политика по отношению к местной правовой и неправовой традиции вновь изменилась. Советская власть попыталась опереться на «полезные национальные адаты». В 1960-1980-е гг. во всех северокавказских автономиях при сельских, а в ряде случаев и районных советах действовали советы старейшин. Их задачей было помогать народным судам и сельсоветам поддерживать общественный порядок в колхозах и совхозах, регулировать столкновения между его членами, по возможности предупреждать случаи кровной мести, следить за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускать расхищения колхозной собственности [4].

В 1990-е гг. на федеральном и региональном уровнях было признано позитивное значение религиозного обычая. Государство взяло на себя охрану традиционных религий и признало обычное право в качестве возможного источника законодательства. Этой задаче должны служить законы «О сельской общине», «О сельском самоуправ-

лении» и «О третейских судах», принятые в 1995–1997 гг. в Адыгее, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании. В декабре 1997 г. президент Ингушетии Р. Аушев подписал закон «О мировых судьях», согласно которому разрешено использовать обычное и мусульманское право при разборе мелких уголовных и гражданских правонарушений. Созданные в это время национальные движения не раз (правда, без особого успеха) пытались прибегать к нормам адата для урегулирования межэтнических конфликтов. Однако попытки реанимировать кавказский адат как самостоятельную систему права не принесли ожидаемых результатов. Ни властям, ни общественным организациям не удалось создать дееспособные суды по адату и смягчить криминальную обстановку, резко обострившуюся после распада СССР. Вместе с тем на волне движения за мусульманское возрождение в 1991 г. стали стихийно открываться шариатские суды. Сегодня они чаще всего состоят из имама мечети, который по пятницам председательствует на заседаниях совета старейшин общины и выполняет обязанности кади. Обычно они ограничиваются разбором мелких уголовных и брачно-семейных дел, нотариальным оформлением завещаний. Наряду с шариатскими у мусульман Северного Кавказа работают российские народные и общественные третейские суды.

Не следует думать, что адат, шариат и российская нормативность всегда совместимы. Между ними есть противоречия в области уголовного права, права личного статуса (семейное и наследное) и поземельных отношений, а также судебного процесса. Именно к этим отраслям относится ряд практик адата и шариата, таких как кровная месть и поземельные споры, куначество, искоренить которые российское и советское государство безуспешно пыталось на протяжении почти двух последних столетий. Как уже отмечалось выше, нормы обычного и мусульманского права при этом сильно изменились, приспособившись к российскому нормативному полю. Отдельные нормы адата и шариата неплохо вписываются в региональное и федеральное нормативное поле. Местные власти порой сами прибегают к упрощенному судопроизводству и неформальному медиаторству для примирения кровников, разрешения поземельных и межэтнических конфликтов и пр. Вместе с тем ряд принципов и практик адата и шариата несовместимы с российским правом. Это религиозные основы шариата; неразделенность в нем и адате сфер права, веры и морали (понимание правонарушения как греха); коллективная ответственность за преступления и система композиций по адату; неравенство перед законом разных полов и конфессий.

Конечно, не стоит чрезмерно драматизировать ситуацию и преувеличивать значение связей региона с исламскими центрами Ближнего Востока для регенерации шариатских судов на Кавказе. «Импорта» шариата здесь нет. Правовые коллизии с адатом и шариатом в российском нормативном поле могут возникнуть в случае рецепции их норм в действующее законодательство субъектов Федерации, как это прежде делалось в Дагестане, Ингушетии и Чечне. Гораздо опаснее для российской государственности политическое манипулирование шариатом в условиях отсутствия в России отчетливой конфессиональной политики. Важно также принимать во внимание серьезные различия в правовой ситуации в регионе в конце 2000-х и 1990-е гг. При всех негативных последствиях обострения криминогенной обстановки, роста терроризма и религиозного радикализма положение ныне более стабильно. Фрагментация власти и сужение сферы действия российского права после распада СССР к настоящему времени во многом преодолены. Построены новые вертикали власти на местном, республиканском и региональном уровнях. Законодательство субъектов Федерации в основном приведено в соответствие с общероссийским.

Вместе с тем советский подход к мусульманскому обычаю, смешивающий правовые и неправовые нормы адата и шариата, остается в силе. Несмотря на анахроничность позитивистского тезиса о традиционности северокавказского общества, он продолжает оказывать влияние на российскую науку, общество и политику. Под влиянием советской этнографической школы в научной и околонаучной среде распространилось превратное представление о «традиционности» современного северокавказского общества. После падения советского строя, а с ним и официозной науки в понимании «традиций» произошли определенные перемены – оно освободилось от марксистской риторики. Ключевыми понятиями постсоветского традиционалистского дискурса вместо отвергнутых классовых и формационных принципов стали не менее априорные «цивилизационные категории», такие как «горские традиции», «исламское возрождение» и «шариат». Из «вредного пережитка прошлого» они превратились в источник духовного возрождения и единения Северного Кавказа. Уже в последние советские годы появилась тенденция распространять понятие «традиция» на все без исключения местные институты и практики горцев-мусульман.

Как с научной, так и с практической точки зрения понятие «правовые традиции» на Северном Кавказе спорно. Говоря о традиционализме «горцев-мусульман», создатели этого клише забывают, что большинство из них уже много поколений назад переселились на равнину, где живет подавляющее большинство населения Северного Кавказа. Многие из правовых и бытовых традиций, такие как советы старейшин и целый ряд обрядов (например, праздник первой борозды), были сконструированы в советское время. Наконец, следует отметить возможные правовые осложнения при смешении понятий «законный» и «традиционный». Как это случается в федеральном

и республиканских законодательствах, государство бездумно поддерживает как позитивные, так и негативные и даже фиктивные нормы и институты. Ведь некоторые формы и функции досоветских традиций в северокавказском обществе изменились, другие приобрели противоправный характер и с трудом могут вписаться в республиканскую и общероссийскую правовую систему, а третьих уже и нет. Некоторые местные обычаи, воспринимаемые российским обывателем как мусульманские, например многоженство и калым, вообще не имеют прямого отношения к исламу, да и не очень распространены в регионе. Возникает законный вопрос: стоит ли государству поддерживать все без исключения местные «исламские традиции»? Вмешиваясь в политическую и идеологическую борьбу разных фракций мусульман, власть на деле не регулирует ее, а выносит внутренний конфликт мусульманских общин на республиканский и региональный уровень.

Что касается перспектив легализации в регионе адата и шариата, то они в первую очередь зависят от общественно-политической обстановки и позиций политиков. Роль ученых здесь в последнее время невелика. При этом нельзя забывать, что российские ученые – правоведы, этнографы и востоковеды – сыграли немалую роль в подготовке и проведении преобразований XIX-XX вв. Достаточно вспомнить имена Н.В. Ханыкова, М.М. Ковалевского, Б. Далгата, А.М. Ладыженского, Х.-М.О. Хашаева. В 1990-е годы власти нередко привлекали ученых в качестве экспертов для выработки правовой политики на Кавказе, но редко руководствовались их рекомендациями на практике. Кроме того, после 1991 г. прежде единое советское научное пространство было раздроблено, старые связи между республиканскими центрами Москвой и Петербургом ослабли, а то и просто исчезли, ученые разных специальностей, например историки и юристы, обособились в своих исследованиях. Все это деструктивно сказалось на выработке адекватной государственной политики в отношении кавказского адата и шариата. Конечно, возврат к империи и СССР невозможен, а потому и многие имперские и советские институты и проекты уже невосстановимы. Вместе с тем следует учесть позитивные наработки двух последних столетий. Отмечу среди них опыт координации исследований этнографов и юристов в рамках специальных юридических институтов позднего советского времени. Интерес представляет невостребованный опыт полевых и архивных исследований и конференций, проводившихся Всесоюзным НИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. С другой стороны, необходимо корректировать подход к изучению правовой проблематики с учетом проведенных в последнее время исследований и современных методик дискурсивного анализа. Больше внимания следует уделять изучению социально-правовых практик, не ограничиваясь исследованием нормативности как таковой. Эти тенденции и возможности необходимо учитывать при выработке взвешенной политики по отношению к адату и шариату в постсоветском нормативном поле на российском Северном Кавказе*.

* По материалам доклада, сделанного автором на IX заседании Эльбрусского научного клуба.

Литература

1. *Peters R.* The Islamization of Criminal Law: A Comparative Analysis // Die Welt des Islams, vol. 34. 1994
2. *Bobrovnikov V.* Muslim Custom versus Socialist Law: Discourse on Shari'a Courts in Postrevolutionary Daghestan: // Islam and Sufism in Daghestan / Ed. by Moshe Gammer. Helsinki, 2009.
3. *Сталин И.В.* Выступление на Съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. // М., 1947. Сочинения. Т. 4.
4. *Bobrovnikov V.* 'Ordinary Wahhabism' versus 'Ordinary Sufism'? Filming Islam for Postsoviet Muslim Young People // Religion, State and Society, vol. 39, nos. 3-4 (in print), 2011.

Политическая компетенция. Что читать

Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисьян; РАН, Ин-т социологии. – М.: РОССПЭН, 2011. – 336 с.	Коллективное исследование Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН, посвященное политическому анализу процессов модернизации, действующим лицам, условиям, факторам, проблемам и перспективам. Значительное внимание уделено социальным и институциональным аспектам формирования российского проекта модернизации в глобализирующемся мире.
Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка / Панов Петр Вячеславович. - М.: РОССПЭН, 2011. - 230 с.	В книге предпринята попытка разработать теоретическую модель политического порядка, описывающую и объясняющую его институционализацию, воспроизводство, трансформацию, а также конфигурации множественных институциональных политических практик. Особое внимание уделяется культурному измерению политического порядка и политическим идентичностям. Автор анализирует соотношение политического и социальных порядков в политиях различного типа, источники множественности институциональных политических практик. Политический порядок понимается как динамическое сочетание устойчивости и подвижности, как социальный конструкт, который основывается, с одной стороны, на некотором согласии относительно себя, а с другой – на внутреннем разногласии и борьбе. Книга предназначена для специалистов в области политологии, социологии, студентов и аспирантов.